

УДК 341

Утяпов Шынтас Сарбасович – к.воен.н., генерал-майор, начальник (Алматы, Региональное управление «Шыгыс» ПС КНБ РК)

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Международное сотрудничество Китая, Казахстана и стран Центральной Азии продиктовано новой геополитической ситуацией, возникшей после распада Советского Союза и образования ряда независимых государств на территории Центральной Азии, что предполагает уточнение исходных терминов. Прежде всего, под термином «страны Центральной Азии» понимаются Казахстан и бывшие республики Средней Азии в составе СССР. Среди них - Казахстан, Киргизстан и Таджикистан являются ближайшими соседями Китая и имеют с Китаем общую границу протяженностью 3700 км. После 1992 года эти государства стали субъектами международного сотрудничества во всех сферах, вступили в различные союзы и блоки, они обладают большим потенциалом экономического развития (природные ископаемые, квалифицированная рабочая сила), они занимают важное политическое и стратегическое положение между Европой и Азией. Поэтому их международные отношения, в частности, отношения с крупнейшей страной региона - КНР, будут иметь огромное значение для общей безопасности, влиять на мир и стабильность в Азии и в мире.

Китай, в свою очередь, планомерно наращивает свои позиции в Центральной Азии. В рамках общего курса на создание мирного окружения - «пояса безопасности» по периметру своих границ - Китай за последние годы заложил основы конструктивных отношений практически со всеми центральноазиатскими государствами. Регион в значительной мере привлекателен для китайцев как источник энергетического и горнорудного сырья и рынок сбыта готовой продукции. Внимание Китая к странам Центральной Азии обусловлено также его озабоченностью проникновением в регион США и НАТО (особенно после антитеррористических операций в Афганистане и Ираке); так, китайцы активно противодействуют заключению американо-киргизского соглашения о сотрудничестве в области предотвращения распространения оружия массового уничтожения и развитию военно-оборонных связей. Китай озабочен также наращиванием безвозмездной помощи США странам Центральной Азии. Большое беспокойство вызывает в Китае и периодическая активизация сепаратистских настроений в сопредельном странам Центральной Азии Синьцзян-Уйгурском автономном округе. Также вызывает опасения сохраняющаяся возможность возникновения на центральноазиатском пространстве опасных очагов и зон напряженности в результате деятельности международных экстремистов.

Центральноазиатский регион стратегически важен для Пекина и, в связи с прокладкой новой и восстановлением (на участке Алматы - Урумчи (СУАР Китая)) трансконтинентальной железнодорожной магистрали, идущей от восточного побережья Китая через Центральную Азию в Европу. Реализация этого крупного проекта, по мнению китайской стороны, сыграет роль катализатора экономического развития прилегающих территорий и расширения сотрудничества Китая со странами Центральной Азии. Все эти факторы обусловили стратегию и тактику международного сотрудничества Китая и стран Центральной Азии в исследуемый нами период. Именно в эти годы реализовалось то, о чем известный американский политолог Збигнев Бжезинский в одном из своих интервью говорил, что Китай заинтересован в том, чтобы государства Центральной Азии (особенно

граничащие с ним Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан) оставались «независимыми и доступными для китайского присутствия и экономических связей».

Каковы взгляды самих китайских политиков и политологов на некоторые вопросы внешней политики?

Во внешней политике Китай ставит перед собой две главные цели - создание благоприятных внешних условий для модернизации государства и утверждение КНР в качестве одного из полюсов многополярного мира [1].

Первая цель предполагает решение двух задач:

- предотвращение вовлечения КНР в вооруженные конфликты;
- развитие торгово-экономических контактов для привлечения в страну инвестиций, технологий и открытия новых рынков.

С этой точки зрения важнейшими объектами для китайской дипломатии являются страны и регионы, граничащие с КНР, поскольку именно с ними возможны не только локальные столкновения, но и наиболее продуктивное развитие экономических связей. Мировые державы, с одной стороны, могут стать инициаторами формирования антикитайской коалиции и изоляции КНР, а с другой - являются естественным источником капитала, передовых технологий и торговыми партнерами.

Однако Пекин имеет гораздо больше возможностей влиять на относительно малые государства на периферии КНР, чем на крупные державы, которые, соответственно, менее склонны учитывать интересы Китая. Некоторые китайские специалисты рассматривают политику сдерживания КНР как совершенно неизбежную для США в силу логики борьбы за гегемонию в мире, а одним из основных методов такой политики является установление и развитие союзнических или партнерских отношений с государствами на периферии КНР[2], что сопровождается раздуванием идеи «китайской угрозы».

С учетом этих обстоятельств в ближайшем будущем можно ожидать, что Пекин для реализации стратегических целей будет все больше сосредотачиваться на периферийных странах и регионах, пытаясь сформировать региональное сообщество под своим руководством. Ведущий специалист по международным проблемам Янь Сюетун прямо заявляет, что «...основной точкой опоры для китайской внешней политики и дипломатии должны стать периферийные регионы (Восточная, Южная и Центральная Азия)» [3].

Кроме того, в силу объективных причин подобный подход является наиболее реалистичным для ограниченных возможностей КНР. Автор отмечает, что, формируя региональные сообщества наподобие ЕС, возможно создание многополярного мира, в противном случае Китай в одиночку вряд ли сможет достичь уровня экономического развития США.

Вторая стратегическая цель внешней политики КНР - формирование многополярного мира и утверждение Китая в качестве одного из признанных полюсов. Почему для Пекина так важна многополярность? Как свидетельствуют китайские авторы, за этим скрывается не просто стремление к более справедливому и демократическому миропорядку. По мнению китайского специалиста в области внешней политики Дин Шичуаня, в условиях многополярности Китай обретет больше возможностей для игры на противоречиях между другими странами, одновременно стараясь всеми силами избегать ограничений, налагаемых многополярностью [4]. Иными словами, в мире, сцементированном американской гегемонией, Китай имеет меньше пространства для маневра и постоянно находится под угрозой, что в ответ на действия, которые могут угрожать стабильности в мире, западные демократии могут попытаться проводить политику изоляции и сдерживания Китая.

Следует отметить, что Пекин никогда не отказывался от политики игры на противоречиях между соперниками. Это проявилось и в знаменитом высказывании Дэн

Сяопина, призвавшего Китай «не высовываться», и в статьях китайских специалистов по международным отношениям. Например, Хэ Фан, категорически выступая против того, чтобы Китай противопоставлял себя Западу, одновременно утверждает, что основная угроза для западных демократий заключается в возникновении и усилении противоречий между ними [5]. В свете таких высказываний многополярность - это свобода «рук» для Пекина на мировой арене, которая в полной мере позволит реализовать весь внешнеполитический потенциал от успеха экономических реформ внутри страны.

Зачастую, цели Пекина китайскими авторами представляются как содействие формированию нового мирового порядка. Однако это лишь своеобразное обобщение двух целей (обеспечение стабильного внутреннего развития и формирование многополярного мира), терминологический инструмент для описания мира, где бы в полной мере учитывались и гарантировались интересы Китая. По мнению российского и китаевода АА. Свешникова, новый мировой порядок также предполагает «...завоевание неформального лидерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [6]. Таким образом, здесь опять-таки можно проследить стремление Китая к региональной гегемонии, которая рассматривается как условие обеспечения безопасности внутреннего развития и формирования многополярной системы международных отношений.

Итак, основным мотивом внешнеполитических задач Пекина на современном этапе можно считать стремление содействовать появлению новой системы международных связей, в которой Китай вне зависимости от желаний и предпочтений других стран занимал бы одну из ключевых позиций, не мог быть изолирован, не являлся бы объектом давления и манипуляций и с полным правом мог рассчитывать на учет своих интересов другими ключевыми игроками. Путь к достижению этой цели - формирование регионального сообщества, в котором Китай в силу географических причин и размеров внутреннего рынка являлся бы естественным центром притяжения.

Таким образом, как исторический опыт и оценка современного положения в мире, так и цели, которые ставят перед собой китайские руководители в области внешней политики, подталкивают их к формированию такого регионального сообщества, где Китай являлся бы естественным центром системы и безусловным лидером. Подобный подход хорошо укладывается и в традиционные схемы китайской внешней политики, соответствует необходимости противостоять попыткам США сдерживать КНР с помощью стран региона, а в перспективе позволяет решить и другие проблемы, поскольку лидерство в динамично растущей Восточной Азии и АТР, по крайней мере, гарантируют Китаю право решающего голоса в мировых процессах.

Отношения КНР с соседними странами к началу 1990-х гг. вступили в новый этап развития. С одной стороны, с окончанием «холодной войны» исчезли непосредственные угрозы безопасности КНР, ситуация в Азии китайскими аналитиками характеризовалась как устойчивое равновесие сил, которое на тот момент не стремилась подорвать ни одна из держав. Несмотря на существование проблем в двусторонних отношениях Китая с соседними странами, ни одна из них не рассматривалась как способная пойти на военный конфликт с Китаем. С другой стороны, в 1990-е гг. отношения с соседними странами заняли «особо важное место» во внешней политике Пекина. Как заявил в 1992 г. на XV съезде КПК Цзян Цзэминь, поддержание благоприятной обстановки на периферии Китая имеет особую значимость [7].

Существенным препятствием в развитии этих отношений является стремительное экономическое развитие и значительная закрытость политического режима Китая, что порождает ряд опасений у соседних стран и способствует формированию идеи «китайской угрозы». Чтобы помешать закреплению подобных стереотипов и стимулировать образование регионального сообщества, Пекин выдвинул так называемую новую

концепцию безопасности (НКБ), которая активно пропагандируется КНР, начиная со второй половины 90-х гг. XX в. Данная концепция может рассматриваться как важнейшая теоретическая основа региональной политики КНР на современном этапе, несущая идеологическую нагрузку (что в условиях распространения идей относительно роста «китайской угрозы» тоже немаловажно) и отражающая методы региональной политики Пекина.

Собственно НКБ складывается из четырех принципов сотрудничества между странами в области безопасности и различных механизмов практической их реализации. Как заявил Цзян Цзэминь в своем выступлении на XVI съезде Компартии Китая в ноябре 2002 г., *«Новая концепция безопасности КНР строится на основе взаимного доверия, взаимной выгоды, равноправия и координации действий между странами»*. Взаимное доверие служит предпосылкой успешного сотрудничества между странами. Принцип взаимной выгоды подчеркивает важность учета интересов каждого из государств. Поскольку понятие суверенитета - это единственное, что делает различные по своим возможностям, государства формально равными, то равноправие можно понимать как утверждение принципа государственного суверенитета. В свою очередь, необходимость координации действий между странами отражает как идею многополярности мира, так и неприятие односторонних действий.

Следует отметить две наиболее существенные особенности НКБ, которые подчеркиваются китайскими авторами.

Во-первых, во главу угла ставится принцип общей выгоды, которая превалирует над частными интересами [8]. Основой для формирования общих интересов является экономическое сотрудничество. С этой точки зрения ни военные альянсы, ни одинаковая политическая система, не могут быть залогом мира и безопасности [9].

Особого внимания заслуживает возможность поддержания мира при наличии в разных государствах различных политических систем. Как известно, в западном мире весьма распространена теория так называемого демократического мира, получившая научное обоснование в теории международных отношений. Согласно этой теории вероятность войны между демократическими режимами гораздо меньше, чем между демократическими и недемократическими. Пекин, ориентируясь на то, что многие авторитарные азиатские режимы не приемлют навязываемые западными странами модели демократизации, предлагает свою альтернативную концепцию, где на первый план ставится активное экономическое взаимодействие.

Вторая существенная особенность НКБ - провозглашаемый приоритет намерений государства над его возможностями. Важно не то, насколько мощным является государство (подразумевается, что это проблема внутреннего развития), а как оно использует свои возможности на мировой арене. В качестве наглядного примера приводится стремление США к мировой гегемонии, тогда как Китай (как он заявляет) никогда не ставил и не будет ставить перед собой подобную цель.

Важность этих двух особенностей в том, что, провозглашая идею общей пользы и необходимости уделять основное внимание намерениям, а не возможностям, Китай однозначно становится на сторону неолиберализма в его давнем споре с неореализмом относительно абсолютных и относительных выгод международного сотрудничества. основополагающие постулаты НКБ как раз и базируются на допущении того, что страны региона для укрепления собственной безопасности должны стремиться именно к абсолютным выгодам, не обращая внимания, насколько выигрывают их соседи. При условии сохранения современных темпов роста подобная позиция для Китая, безусловно, является беспроигрышной, поскольку позволяет достичь как абсолютных, так и

относительных выгод от международного экономического сотрудничества, одновременно обеспечив себе мирную международную обстановку для внутреннего развития.

Необходимо также отметить, что в отличие от оценки международных отношений на глобальном уровне, где, скорее всего, господствуют подходы традиционного реализма, в своей региональной политике Пекин делает упор на либеральные концепции, подчеркивая, что от экономического сотрудничества с Китаем соседние страны только выиграют.

Что касается иерархии приоритетов в региональной политике Пекина, следует отметить: поскольку Южная и Центральная Азия не примыкают непосредственно к собственно ханьскому ядру Китая и его основным зонам экономического развития, которые сконцентрированы на востоке страны, то регионы, находящиеся на периферии АТР, являются вторичными в иерархии региональных приоритетов Пекина. В отличие от них Восточная Азия как в силу своего быстрого развития, так и из-за ряда нерешенных, но принципиально важных для руководства КНР проблем (например, тайваньский вопрос) еще долгое время будет объектом пристального внимания.

Вместе с тем дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала «Современные проблемы АТР», свидетельствует, что в вопросе региональных приоритетов китайской политики не так все однозначно. Китайский ученый Чжуап Ливэй призывает, не обостряя ситуацию на Востоке, сосредоточиться на западном направлении [10]. А Чжао Чанцин считает, что основные угрозы для КНР, связанные с территориальной целостностью страны, по-прежнему располагаются на Востоке, в АТР [11].

Сегодня для Китая ЦА рассматривается не только в качестве новых перспектив, но и в комплексе потенциальных угроз своей безопасности.

Во-первых, динамика происходящих в ЦА и вокруг нее процессов обуславливает постоянную корректировку Пекином критериев оценки возникающих в регионе угроз своим интересам и, соответственно, алгоритмов реагирования на них. При этом пока одной из принципиально важных составляющих региональной стратегии Китая в сфере безопасности является тесное взаимодействие с Россией. Причем в такой деликатной сфере как военное сотрудничество и вопросы безопасности Китай пока предпочитает находиться как бы «в тени» России. В отличие от Москвы, Пекин не афиширует «военные возможности», стараясь не провоцировать раздражение Вашингтона и Брюсселя демонстрацией своих военно-политических амбиций в ЦА.

Во-вторых, базовые элементы стратегии Пекина по защите своих интересов в ЦА в настоящее время в целом концептуально определились. Сама стратегия заключается в том, чтобы, опираясь на ШОС и в тесном партнерстве с Россией участвовать в решении комплекса проблем безопасности, стремиться к развитию тесных отношений со странами ЦА, обеспечить реализацию своих стратегических целей в сфере безопасности, которые прежде всего касаются освоения богатых природных ресурсов ЦА и недопущения дальнейшего усиления присутствия в регионе США и их союзников.

В-третьих, очевидно, что «косовский прецедент», недавние волнения в Тибете и других районах КНР в еще большей степени подтолкнул Китай к поиску новых, в том числе ассиметричных решений по защите интересов своей безопасности на региональном и глобальном уровнях, в целом приведут к усилению для Пекина значения ЦА, ШОС и России. В этих условиях, ситуация в Афганистане будет продолжать играть роль одного из важных факторов усиления внимания Китая к процессам в ЦА в сфере безопасности, подталкивать КНР к более активному поиску решений «афганской проблемы». Однако, учитывая нынешние реалии, в первую очередь разноректорность подходов и разрозненность усилий в направлении Афганистана в том числе и в рамках ШОС, в целом не следует ожидать значительных успехов ни КНР, ни ШОС, ни кого-либо еще в плане

урегулирования афганского конфликта. Это будет продолжать оказывать существенное негативное влияния и на безопасность самой ЦА.

Основные направления политики Китая в сфере безопасности в ЦА [12]:

- борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом;
- обеспечение безопасности в пограничных районах;
- поддержание стабильности в регионе;
- содействие экономическому развитию;
- обеспечение дружественных отношений стран региона к Китаю;
- недопущение попадания Центральной Азии под монопольный контроль государств, враждебных к Китаю;
- недопущение создания в регионе военных союзов, направленных против Китая.

Китайцами тщательно отслеживается положение в тех государствах, которые примыкают к территории КНР. Это Казахстан, Узбекистан, Киргизстан, Таджикистан и Туркменистан.

Шанхайские исследователи из института современных международных отношений Хэ Сицюань и Чэнь Миньшень указывают, что «все пять среднеазиатских государств взяли демократию и секуляризм в качестве принципов национального строительства и приняли особые меры против сил, представляющих угрозу их государственной и социальной стабильности». Отмечается, в частности, что во всех странах региона религиозным партиям отказано в участии в политической жизни, фундаменталистские же организации вообще запрещены, а их лидеры были вынуждены уйти в подполье или оказались в эмиграции. Пекин добился от Казахстана гарантий о невмешательстве во внутренние дела КНР в части, касающейся возможной поддержки сепаратизма.

Вновь обострившаяся в 2009 году внутривосточная ситуация в Синьцзяне, вынесла в повестку дня отношений Китая с государствами ЦА еще одну сложную проблему - проблему этнического сепаратизма. Для Пекина, справедливо усмотревшего в этой тенденции зримую угрозу национальной безопасности, было крайне важно получить надежные гарантии со стороны центральноазиатских государств, в первую очередь Казахстана, о невмешательстве во внутренние дела КНР. Китай не может не беспокоить активизация стран Запада, НАТО в республиках бывшего СССР, примыкающих к Китаю. Пекин заинтересован в создании около своих северо-западных границ (Синьцзяна) буферной зоны, заслона на пути продвижения НАТО к Китаю, на пути распространения исламского экстремизма.

Реакция центральноазиатских стран на быстрое развитие китайской экономики неоднозначна. С одной стороны, стремительный экономический рост Китая открывает перед ними много возможностей. С другой стороны, у них возникает ощущение определенного дискомфорта, связанное с опасениями, что вследствие быстрого экономического развития Китай превратит регион в свой сырьевой придаток. Экономика стран ЦА относительно слаба, промышленность не развита должным образом, низок уровень развития высоких технологий. Стремительные экономические достижения Китая не могут не вызывать у них беспокойства. В этом состоит еще одна проблема, стоящая перед Китаем. Китаю необходимо постоянно корректировать свой курс в зависимости от изменений обстановки для оптимизации структуры своего экономического сотрудничества со странами ЦА. Параллельно с продолжением развития «народной» торговли Китай в дальнейшем должен уделять больше внимания развитию иных форм экономических отношений с ними. Особое внимание следует обратить на инвестиции и совместные проекты. Это основной путь повышения уровня торгово-экономического сотрудничества, а также главная предпосылка формирования долгосрочных и стабильных

отношений в этой области. Он принесет не только экономические, но и политические выгоды.

Есть у Китая и уязвимые позиции. Они главным образом связаны с тем, что в течение многих десятилетий отношения КНР со странами региона были фактически разорваны, в результате чего возникла глубокая отчужденность, которую за короткий период времени преодолеть невозможно. База двусторонних отношений еще не стала достаточно прочной. Пока отмечается низкий уровень взаимопонимания, представление о Китае в общественном мнении ЦА пока строится по старым стереотипам, сохраняется прежнее мышление. Несмотря на быстрое развитие экономики, инвестиционные и экономические возможности КНР еще весьма ограничены.

В целом, можно считать, без вовлечения КНР в процессы, связанные с обеспечением безопасности в ЦА, в глобальную контртеррористическую операцию, в процессы, идущие в Афганистане, Ираке, будет складываться проблемная ситуация как в центральноазиатском регионе, так и в более широком международном контексте. К тому же, по всей видимости, без активного участия Китая или, по крайней мере, без учета его интересов в обеспечении безопасности и стабильности ни одна система региональной безопасности в ЦА не будет достаточно действенной и перспективной.

Выводы

Анализ современного положения в мире китайскими авторами, а также цели, которые ставят перед собой руководители КНР во внешней политике, показывают, что основным объектом приложения усилий, по их мнению, становятся страны и регионы, граничащие с Китаем. Методы, которыми Пекин пользуется в своей региональной политике,- это провозглашаемые им принципы невмешательства во внутренние дела соседних стран, что представляет определенный контраст с западными подходами, и активное вовлечение этих стран в экономическое сотрудничество с КНР.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Точка зрения Цзян Цзэминя на вопрос развития интеграции мировой архитектоники - высказывания Дэн Сяопина // Шицзе цзинци юй чжэнчжи. - 1999 - №11. - с. 11.
- 2 Сунь Цзяньшэ. Современная безопасность на периферии Китая и американо-китайские отношения Шицзе цзинци юй чжэнчжи. - 2003 - №3. - с. 65-66.
- 3 Янь Сюэтун. //Ляован (Мировоззрение). - 2000 - №11. - с. 49.
- 4 Точка зрения Цзян Цзэминя на вопрос развития и интеграции мировой архитектоники - высказывания Дэн Сяопина // Шицзе цзинци юй чжэнчжи. - 1999 - № 11. - с. 12.
- 5 Свешников А.А. Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности // Китай в мировой политике. М.: РОССПЭН. - 2001. - с. 136.
- 6 Там же. - с. 129.
- 7 Ши Юаньхуа. // Дандай чжунго лиши яньцзю (Исследование современной истории Китая). - 2000 - №5. - с.47.
- 8 Ли Сяоминь. Чжунгодэ синь анцюань гуань (Новая концепция безопасности Китая) // Хэпин юй фачжань (Мир и развитие). - 2002 - № 2. - с. 45.
- 9 Янь Сюетун. Чжунгодэ синь аньцюань гуань юй анцюань хэцзо гоусян (Новая концепция безопасности Китая и направление сотрудничества в области безопасности) // Сяньдай гоцзи гуаньси (Современные международные отношения). - 1997 - №11. - с. 28-32.
- 10 Чжуан Ливэй. Чжунго гоцзи чжаньлюедэ дунмэн кэти (Международная стратегия Китая в обсуждениях АСЕАН) //Дандай ятай (Современный АТР). - 2003 - № 6. - с. 21-24.
- 11 Там же. - с. 11-12.
- 12 Парамонов В. и Столповский О. Интересы безопасности Китая в Центральной Азии // Центр конфликтных исследований Академии Вооруженных Сил Великобритании. – 2008. – Май. <http://www.Defac.ac.uk/colleges/cs/document-listing/ca>